

... ГЛАВА 1 ....

Голоса прорывались словно через толстенное ватное одеяло, и через такое же одеяло просачивалась боль. Капля по капле она заполняла меня, грозя переполнить и опять уволочь в беспамятство. Мутные, невнятные слова постепенно складывались во вполне понятные фразы: «Это бесполезно», «Вы напрасно тратите силы», «Владимир Викентьевич, прекратите же!»

Боль стала совершенно невыносимой, и я застонала, попыталась открыть глаза, услышала радостное: «Ну вот, я же говорил, не уйдет» — и потеряла сознание.

Очнулась я, боли больше не чувствуя, но ощущая такую слабость, что даже приподнять руку не было сил. Что там рука — глаза приоткрылись с трудом. Приоткрылись, чтобы увидеть беленый потолок с трещинами и лампочкой, просто болтающейся на проводе. Забавно, но это не казалось неправильным. Большая пузатая лампочка выглядела старинной. Может, владельцы дома увлекаются историей? Ретро-стиль или этот, как его, лофт. Название казалось чужеродным для этого потолка, и все же я обрадовалась, что вообще его вспомнила: в голове была вязкая каша, которая никак не хотела оформляться в приличные мысли. Стоило ухватить одну за хвост — а она, как ящерица, оставляла этот хвост противнику и ныряла вглубь. Так что лофт — это однозначно победа. Приободренная успехом, я почувствовала прилив сил и смогла повернуть голову.

Взгляд уткнулся в тумбочку, кое-как покрашенную в белый цвет. Так не красила даже Светка. Светка? Вспыхнувшее было имя тут же потускнело, не показав ни одного лица, с которым я могла бы его связать.

Скрипнула дверь, и раздалась тяжелая, уверенная поступь человека, который зашел не просто так, а по делу. Когда в поле

моего зрения возник силуэт, я перевела взгляд с тумбочки на вошедшего. Серое платье (мышинного цвета, как услужливо подсказала память) почти полностью прикрывалось белым передником с неаккуратно нашитым на нем красным крестом. На голове вошедшей медсестры (а кто это мог быть, кроме нее?) была повязана белая же косынка, из-под которой кокетливо высовывались завитки, тронутые сединой. Почему-то в голову пришли мысли об исторической постановке, поскольку в моем представлении медсестра должна выглядеть по-другому. Как? Я чуть наморщила лоб, но потом отмахнулась от ненужных мыслей. Понятия не имею как, главное — по-другому, а не так, что в голову приходит театр и актриса, играющая то королеву, то медсестру. Во всяком случае, осанка у вошедшей была точно королевской.

— Очнулись, Лизонька?

— Я...

В горле словно прошлись комком колючей проволоки, говорить с таким оказалось совершенно невозможно, единственное выдавленное короткое слово было больше похоже на хрип умирающего, чем на попытку ответить. Впрочем, медсестра поняла мое затруднение, взяла с тумбочки пузатый заварочный чайник, приподняла мне голову, и из носика чайника в мой рот полилась восхитительная влага. Впрочем, нет, не чайника: крышки на нем не было, а верхняя дырка было ровно вполовину меньше той, что должна быть у нормального чайника. Поильник, вспомнила я. Это называется поильник.

— Так лучше, Лизонька? — спросила дама, отнимая сосуд и ставя его опять на тумбочку.

Проводила я источник воды тоскливым взглядом, хотя и догадывалась, что пить сейчас много нельзя. Я после операции? Какой? Попала в аварию? Кажется, я всегда неосторожно переходила дорогу, не обращая внимания на машины...

— Спасибо, да. Но я не Лизонька, — прохрипела я куда более внятно.

Голос был ужасен. Не голос, а скрежет несмазанных шестеренок.

— А кто вы? — спокойно уточнила медсестра.

— Я... Я... Я не помню, — в ужасе ответила я.

Я бросала взгляды по сторонам в надежде, что хоть что-то наведет на нужную мысль, но взгляду тут было ровным сче-

том не за что зацепиться. Не было в этой комнате ничего, кроме кровати явно устаревшего образца, с никелированными металлическими прутьями на спинке изножья, и тумбочки, неизвестно из какого чулана доставленной сюда. Даже капельницы на стойке не было, хотя подсознательно я ожидала увидеть хоть какие-то медицинские приборы. Эта же комната выглядела необычайно убого для больничной палаты. Хотя, может, это и не она. Может, меня похитили, накачали наркотиками и вырезали почку? Конечно, их две, но мне они обе дороги.

— Где я?! И кто вы?!

Голос стал чище, и тем не менее мне казалось: это совсем не мой голос. И самое ужасное — я не могла вспомнить, каким должен быть он, мой голос.

— Агата Михайловна, дежурная медсестра. Успокойтесь. Сейчас я позову Владимира Викентьевича, он вам все объяснит, — заворковала она, улыбаясь столь приторно-дежурной улыбкой, что я поняла: все не просто плохо, а очень плохо.

Ворковала она, приближаясь к дверям с навыками, явно выработанными за долгие годы работы с буйными пациентами. Но я-то не была буйной, я даже сесть на кровати смогла лишь с третьей попытки и с огромным трудом. И все для того, чтобы с изумлением уставиться на ночную сорочку из грубого полотна. Этот кошмар никак не мог принадлежать мне. Точно, кошмар! Это просто страшный сон, нужно себя ущипнуть, и все закончится. Но сколько я себя ни щипала, заканчиваться ничего не хотело. Возможно, потому, что щипки были совсем слабые: на сильные мои руки оказались не способны. Да и сами руки — тонкие, совсем как детские. Или я так исхудала после продолжительной болезни? Но какой?

В голове от попыток вспомнить хоть что-то зашумело, как море в шторм, да и меня саму заштормило — я покачнулась на кровати, чуть не свалилась на пол, но в последний момент удержалась за холодную металлическую спинку. Взгляд опять зацепился за ночную сорочку. Я провела по ней рукой, все больше убеждаясь, что она реальна, и все же никак не желая в эту реальность верить.

— Это не мое, — убежденно заявила я и подергала рукав.

Не знаю, на что рассчитывала. В самом деле, не на то же, что он прямо сейчас изменится на что-то воздушно-шелковое с кружевами?

— Разумеется, не ваше, Елизавета Дмитриевна. — Глубокий бас не соответствовал сухонькому старичку с совершенно белой клиновидной бородкой, впрочем выглядящей достаточно ухоженной и аккуратной. — Это собственность лечебницы. Ну-с, как мы себя чувствуем, барышня?

— Отвратительно, — честно признала я, с трудом удерживаясь в сидячем положении.

— Ничего. Скоро будет лучше, — оптимистично заявил Владимир Викентьевич, если, конечно, это был тот, за кем ходила медсестра. Вот и она сама высовывает озабоченную физиономию из-за плеча нового действующего лица. — Сейчас, сейчас, только не вставайте.

Я даже не улыбнулась. Не вставайте? Да я едва удерживаюсь от падения. И если это произойдет, то лучше бы на кровать, а не на пол. Пол, конечно, деревянный, что странно для больничной палаты, но разбить нос и о такой можно запросто.

Неожиданно руки Владимира Викентьевича окутались зеленым сиянием, одна легла мне на лоб, второй же он взял мою правую руку так, словно собирался считать пульс. Но занимался он точно не этим, поскольку сияние с его руки впитывалось в мою. Все это походило на... шоу? На высококлассное шоу, позволяющее забыть о неказистой обстановке.

— Как вы это делаете? — спросила я.

— Что?

— Зелень на руках. Я не вижу никаких приспособлений.

— Владимир Викентьевич — целитель высшей категории, — неожиданно оскорбилась Агата Михайловна. — Зачем ему какие-то приспособления?

Целитель, ага. Высшей категории. Которому не нужны приспособления. Голова опять пошла кругом, но все же не столь сильно, как несколькими минутами раньше. И вообще, чувствовала я себя на удивление легко. В танец пуститься бы не получилось, но встать и пройти до туалета — вполне. Не то чтобы мне этого хотелось прямо сейчас, но одна мысль, что я смогу это сделать при необходимости, успокаивала. Я встала, держась на всякий случай за холодную металлическую спинку кровати с забавными шариками-навершиями. На спинке небрежно висел халат, наверняка тоже больничный, я набросила его на ночную сорочку и почувствовала себя куда уверенней. Во всяком случае, признаков операции не ощущалось, а все остальное можно пережить.

— Агата Михайловна, — чуть поморщился Владимир Викентьевич, — сообщите в управление, что Елизавета Дмитриевна очнулась. Они просили сразу с ними связаться.

Медсестра кивнула и пошла к двери, а я с удивлением обнаружила, что юбка у форменного платья не только длинная, но наверняка еще и с подъюбником: слишком пышной она казалась, хотя само платье не производило впечатления праздничного. Но тут я сообразила, что думать мне нужно совсем не о форменной одежде в этом заведении.

— Управление? — Я перевела вопросительный взгляд на целителя.

— Сыскное управление, — пояснил он. — Видите ли, Елизавета Дмитриевна, они хотели вас допросить.

— Я совершила что-то нехорошее? — испугалась я до холодной испарины, сразу представив, как меня, без признаков сознания, находят с окровавленным ножом в руке рядом с мертвым телом.

— Вы не помните? — Он прищурился. — Вы, Елизавета Дмитриевна, сядьте, если уж лежать не хотите.

Я помотала головой, чувствуя там непривычную тяжесть. Кажется, раньше у меня не было столько волос. Или было? На краешек кровати я все же присела, чтобы не упасть, если слова Владимира Викентьевича окажутся слишком неожиданными.

— Я не помню, что было до того, как я здесь очнулась. Совсем ничего не помню.

— Агата Михайловна сказала, что вы не помните даже своего имени.

— Не помню.

— Елизавета Дмитриевна...

— Я точно не Елизавета Дмитриевна.

Он взял меня за руку, и место соединения опять осветилось зеленым. Да что за чертовщина здесь творится? Это все совершенно ненормально. Но заволноваться я не успела: пришло странное спокойствие, явно неестественного происхождения, поскольку помрачением сознания не сопровождалось. Наверняка Владимир Викентьевич поспособствовал. Я взглянула на него внимательнее. Обычный дедушка, ничем не примечательный. Но способности у него необычные. Непонятные способности, пугающие.

— Пока вы не вспомнили, давайте пользоваться привычным Елизавета Дмитриевна, — миролюбиво предложил он. — Должны же мы к вам как-то обращаться?

— Вы так и не ответили, зачем я сыскному управлению. Я кого-то убила? — бухнула я, сразу желая определенности.

Врач, нет, целитель помялся, явно не горя желанием отвечать, и спросил:

— Вы считаете, Елизавета Дмитриевна, что могли кого-то убить?

— Нет, — в ужасе помотала я головой. — Но я совсем ничего не помню. Ничегошеньки.

Я всхлипнула, он прикоснулся к моей руке, вздохнул. Опять зеленое свечение — и рыдать резко расхотелось.

— Вы никого не убивали, Елизавета Дмитриевна. Покушение было на вас и вашу маму.

— Мою маму?

— Увы, ее спасти не удалось. Когда вызвали полицию, Ольга Станиславовна была уже мертва. — Он виновато посмотрел на меня. — Поверьте, Елизавета Дмитриевна, если бы это было в моих силах, я бы ее вытащил.

Я кивнула, соглашаясь с его словами. Почему-то целителю было необычайно важно, чтобы я поверила: он сделал все что мог. При словах о том, что моя мама умерла, в груди ничего не шелохнулось, никакого образа не появилось перед глазами. Я не помнила ее так же, как и всего остального. Возможно, потом, когда я все вспомню, осознание утраты накроет меня с головой, но сейчас это всего лишь смерть человека, которого я не знала.

— Я ее не помню. Я совсем никого не помню. И ничего. Совершенно.

— Такое бывает. — Он участливо похлопал по моей руке. — Организм сам отгораживается от шока. Возможно, для вас это и к лучшему.

— Не к лучшему. Лучше помнить все и всех, — возразила я. — Вы говорите, на меня покушались, но я не знаю ни кто, ни из-за чего.

— Здравое размышление. — Мне показалось, что Владимир Викентьевич заколебался, не зная, уступить ли, или это не пойдет на пользу моему состоянию. — Но вы пока слишком слабы, чтобы забивать себе голову подобным.

Возможно, он бы долго упорствовал, но тут в палату в сопровождении Агаты Михайловны вошел еще один... врач? Целитель? Темноволосый, кругленький, как колобок на ножках, в халате, при взгляде на который в голову пришло выражение «чехол для танка». И пер он так же напролом, как танк. Подскочил к кровати, не здороваясь, цапнул меня за руку, которую отобрать оказалось не так просто и которую почти тут же окутало зеленое сияние, и заговорил, чуть картавя и растягивая гласные:

— Агата Михайловна говорит, здесь работа по моему профилю? Барышня, не дергайтесь, вы мешаете проводить диагностику.

— Да, по вашему, — неохотно ответил Владимир Викентьевич. — Елизавета Дмитриевна не помнит ни себя, ни окружающих. Но я не уверен, что для нее это не благо.

Они с Агатой Михайловной переглянулись этак понимающе, отчего мне только сильнее захотелось вспомнить хоть что-то.

— Разумеется, благо, — возмутился пришедший. — Лучше помнить все, чем мучиться от незнания, не так ли, барышня?

— Конечно.

Я оживилась. Подозреваю, что профиль этого целителя — возвращать утраченные воспоминания. А это именно то, что мне сейчас жизненно необходимо. Но радовалась я ровно до того момента, как его руки засветились подозрительным фиолетовым. К зеленому я уже почти привыкла и поняла, что этот цвет несет исцеление, а вот фиолетовый — не уверена. Руку я выдернула.

— Что случилось? — удивился целитель.

— Мне не нравится цвет. Фиолетовый — слишком тревожный.

— Обычный цвет для работы с менталом. Привычные целительские сейчас бессильны. Не волнуйтесь, барышня, не наврежу и обещаю лишнего не смотреть, — он хохотнул так, что колыхнулся всем туловищем, но тут же посерьезнел и спросил: — Пойдите, вы видите цвет?

— Видит, — вместо меня ответил Владимир Викентьевич. — Это тем более странно, что в ее карте указан весьма низкий уровень, только для базовых заклинаний.

— Сильные потрясения иной раз вызывают непредсказуемый скачок. Непременно нужно будет измерить заново. Ну-с, барышня, успокоились? Продолжим?

Не дожидаясь моего ответа, он опять ухватил меня за руку, мягко, но уверенно, вызвал неприятное фиолетовое свечение и прикрыл глаза. Видно, чтобы сосредоточиться. Прикрыла глаза и я, но отнюдь не пытаюсь что-то вспомнить, просто собственная рука в этом свете выглядела пугающе неживой, а она и без того казалась чужой. Внезапно пришло в голову, что я понятия не имею, как выгляжу и сколько мне лет. И это было куда страшнее, чем то, что творил второй целитель.

А он точно что-то творил. Каша в голове колыхалась, мерзко булькая, но не выпуская из себя никаких воспоминаний. Почему-то опять всплыло имя Светка, не принеся с собой никакой картинки, но зато захватив дополнительное слово-ассоциацию «договор».

— Потрясающе! — неожиданно восторженно сказал целитель. — Полное стирание личности! Я с таким сталкиваюсь впервые. Похоже, Владимир Викентьевич, душа слишком долго пробыла в отрыве от тела, нарушились точки привязки — и вот результат. Нет, случай не единственный, но настолько редкий, что я и читал только о двух, и то — давнишних. А здесь еще и все базовые навыки сохранены. — Он радостно потер руки таким моющим движением, потом поднес щепоть ко рту и причмокнул. — Какой вкусный материал для статьи. Потрясающе!

— И что же здесь потрясающего? — проворчал Владимир Викентьевич. — Разумеется, кроме того, что вы получили материал для статьи?

— Как это? А развитие личности? Пойдет ли оно по тому же пути, или что-то изменится? Барышня, ваша жизнь сейчас как чистый лист: что напишете, то и будет.

В открытой двери появился новый персонаж — мужчина в высшей степени старомодном костюме-тройке. Уверена, таких не носил даже мой дедушка. Вошедшему это не мешало иметь весьма высокомерный вид. Впрочем, смешной головной убор — память услужливо подсказала название «котелок» — он снял сразу же, как вошел.

— Господин Звягинцев, могу я побеседовать с вашей пациенткой?

Это был не вопрос — требование, так что я сразу поняла, что появился представитель того самого управления, в которое должна была сообщить медсестра. Быстро они собрались.

— Можете, — не без ехидства ответил целитель, — но она вам ничего не скажет. Видите ли, любезнейший, у Елизаветы Дмитриевны наблюдаются проблемы с памятью. И не просто проблемы, а полное стирание личности. Она не помнит ничего из того, что с ней было до попадания сюда.

Похоже, они виделись не впервые и не слишком друг друга жаловали. Более того, не жаловала пришедшего и медсестра — вон с каким недовольным видом принялась оглаживать сестринский фартук, словно только одно появление нового действующего лица измяло и испачкало ее безупречную одежду. Второй целитель утратил жизнерадостный вид и неприязненно поглядывал на пришедшего.

— Но вы же можете их решить. Или ваш коллега. Это нужно срочно.

Опять приказной тон. Агата Михайловна сузила глаза, а рот сжала так, как будто боялась, что не удержит рвущихся слов, которые представителем правопорядка будут восприняты весьма неоднозначно.

— Увы, увы. — Второй целитель картинно развел пухлыми руками. — Ни я, ни кто-либо иной. Это я могу вам сказать с полной определенностью, как один из лучших менталистов. Стирание личности, любезнейший, — это вам не шуточки. Она ничего не помнит и не вспомнит, а следовательно, ничего не сможет вам рассказать. Хорошо хоть, базовые навыки сохранились.

И они с представителем сыска принялись играть в гляделки, словно только от того, кто выйдет победителем в этом поединке, зависит, решатся ли мои проблемы с памятью. Первым сдался господин с котелком в руках. Он недовольно перевел взгляд на меня и спросил:

— Елизавета Дмитриевна, вы совсем ничего не помните?

— Совсем.

— Иногда бывает, что что-то, благодаря своей важности, остается в памяти и всплывает, — пришел ему на помощь менталист. — Быть может, что-то кажется вам важным? Скажите, пусть это даже на первый взгляд выглядит несерьезным. Слово, словосочетание или чье-то лицо — может быть

все что угодно. Вдруг это поспособствует раскрытию преступления?

Пожалуй, я могла их порадовать.

— Имя Светлана. — Я решила, что Светка — звучит несерьезно и совершенно не подходит к антуражу. — И слово «договор». Лиц я, к сожалению, никаких не помню. Даже своего.

— Светлана и договор, — повторил представитель сыска. — Негусто. Но уже зацепка. Насколько я помню, в вашем окружении Светлан не было.

— Редкое имя, — заметил менталист с такой гордостью, словно это являлось его личным достижением.

...☀️ ГЛАВА 2 ☀️...

Эта тетка мне не нравилась до зубовного скрежета. И хотя говорить про княгиню «тетка» неправильно, но другого слова, чтобы ее точно описать, у меня не нашлось. Не было в ней ничего княжеского, кроме дорогой одежды и драгоценностей, вот их был даже перебор, на мой вкус. Княгиня сияла как рождественская елка, разбрасывая яркие разноцветные лучики при попадании на нее солнца. Правда, от этого она не становилась ни добрее, ни праздничнее. А уж я, в застиранном халате, по сравнению с ней выглядела наверняка как бедная сирота, которой, впрочем, и являлась. Бедная сирота при богатой попечительнице лечебницы. Которая сейчас размышляла, что же со мной делать, и смотрела при этом, не скрывая выражения гадливости на лице. Впрочем, к чему оно относилось — ко мне, к моей одежде или к лечебнице в целом, — было не понять, а сама посетительница не торопилась начинать разговор. Вошедший с ней Владимир Викентьевич молча переминался у нее за спиной, хотя и приоткрывал пару раз рот, явно желая что-то сказать, но не решаясь.

— И чем вы хотели меня удивить? — наконец разбила тишину княгиня. — Видом неопрятной девицы? Так таких девиц по улице бегают...

Она пренебрежительно помахала пальцами перед собой, то ли пытаясь показать, как именно они бегают, то ли неловко пересчитать девиц, к числу которых отнесла меня. Камни на перстнях радостно заблестели, словно огоньки на... Сравнение убежало, хотя казалось: еще немного — и я вытащу его из глубин памяти на поверхность. Что ж, нет так нет.

— Ваша светлость, она ваша внучка, — заметил целитель.

Его слова не только удивили меня, но и возмутили княгиню до глубины души и вздернувшегося подбородка. Она повернулась к Владимиру Викентьевичу и посмотрела так, что тот стушевался и сделал пару шагов к двери. Пожалуй, я бы тоже на его месте попятилась, если бы собеседница вдруг ни с того ни с сего зашипела, выставив перед собой руки. К чести целителя, он опомнился и остановился почти сразу. А я бы, наверное, удрала подальше, тем более что никакого желания общаться с этой особой у меня не было. Более того: было острое нежелание даже видеть ее.

— У меня нет внучки, — отрезала неприятная тетка. — За эту... ошибку моего младшего сына мы сполна расплатились. Ее матери была куплена квартира. Этой же... — презрительный кивок на меня, — оплачено обучение в одной из лучших гимназий. Уверяю вас, любезнейший, мы сделали для них куда больше, чем любой на нашем месте.

— Видите ли, ваша светлость, других родственников у нее нет, — продолжал упорствовать целитель. — Поэтому ваш долг позаботиться о ней.

Это предложение не вызвало энтузиазма не только у княгини, но и у меня. Да, я тыкалась сейчас, как новорожденный котенок, ничего не зная и не понимая. Но я твердо была уверена: ничего хорошего не выйдет, если эта светлость примется за мной присматривать. Она мне не нравилась до странной внутренней дрожи, и очень было похоже, что это чувство взаимно.

— У меня долг только перед своим кланом, — отрезала княгиня. — Если эта особа была бы хоть чем-то полезна, но нет: это всего лишь бесполезное отродье.

На меня она обращала внимания не больше, чем на любой предмет мебели, и говорила обо мне, выбирая наиболее оскорбительные выражения, с явным желанием унижить.

— У нее есть магия.

— У нее этой магии едва хватило для занятий с наставником. И то мне постоянно намекают, что она не слишком успешно справляется с заданиями.

— Покушение запустило рост дара. Елизавета Дмитриевна теперь видит магию. Объем и цвет.